

**ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«ЛУЧШИЕ МИРОВЫЕ
РЕТЕЛЛИНГИ»:**

Ханна Уиттен

ДИКОЛЕСЬЕ

ДОЧЬ ДЛЯ ВОЛКА

ДОЧЬ ДЛЯ ТРОНА

Э. К. Уайз

ДОРОГАЯ ВЕНДИ

Интисар Ханани

КОЛЮЧКА

Дж. Дж. А. Харвуд

ТЬМА В ХРУСТАЛЬНОЙ ТУФЕЛЬКЕ

М. А. Казнир

ПОЛНОЧЬ В ЭВЕРВУДЕ

С. Т. Гибсон

КРОВАВОЕ ПРИДАНОЕ

Джессика С. Олсон

СПОЙ МНЕ О ЗАБЫТОМ

Джессика С. Олсон

СПОЙ МНЕ
О ЗАБЫТОМ

МОСКВА
2023

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
О-55

Jessica S. Olson
SING ME FORGOTTEN
Copyright © 2021 by Jessica Olson

Перевод с английского языка *Иты Куралесиной*

Олсон, Джессика С.
О-55 Спой мне о забытом / Джессика С. Олсон ; [перевод с английского И. Куралесиной]. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с

ISBN 978-5-04-180337-7

Её бросили в колодец сразу после рождения.

Её не существует. По крайней мере, за позолоченными стенами оперного театра.

Её дар и проклятие — манипуляции чужими воспоминаниями, и люди убьют её, если узнают о ней.

Её зовут Исда. Она — Призрак Шаннской Оперы. Владелец театра спас её, дав убежище от безжалостного мира. До поры Исду устраивает жизнь в золотой клетке, но однажды она слышит чарующий голос юного Эмерика Родена — и видит в его воспоминаниях девочку с таким же даром, как у неё.

Теперь Исде нужны ответы, но готова ли она явить себя миру, от которого так долго скрывалась? Ведь если тот встретит её ненавистью, Исде придётся стать монстром, которым видят её другие...

Ретеллинг «Призрака Оперы», вдохновленный культовым романом Гастона Леру и легендарным мюзиклом.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Куралесина И., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-180337-7

Джону.

Ты возишься с детьми, следишь, чтобы в доме всегда было арахисовое масло, и глазом не моргаешь, когда я спрашиваю, как сподручнее ударить человека осколком стекла.

Ты просто мечта, этой книги без тебя не случилось бы.

ГЛАВА

Ять. Сияние черного атласа. Видение во тьме. Музыка взмывает над публикой и поднимается туда, где я прячусь за мраморным херувимом у самого купола Шаннского оперного театра. Вибрато ведущего сопрано дрожит в воздухе, и я закрываю глаза, когда ее голос дарит мне ее черно-белые воспоминания, которые зыбко дрожат на внутренней стороне век. Картинки размытые, а чувства приглушены, но если поддаться им, на миг можно почти забыть, кто я.

Каждый вечер, когда поднимается занавес и свет заливает сцену, когда зрители, перешептываясь, занимают места, а воздух дрожит от звона струн, я выглядываю во внешний мир — в мир, который я никогда не видела собственными глазами, но знаю как свои пять пальцев, потому что проживала тысячу разных жизней.

Воспоминания ведущего сопрано захватывают меня, и на время я превращаюсь в нее, оказываюсь на сцене, что купается в золотом свете, и мой голос заполняет театр. Публика смотрит, как я танцую, и пусть я не вижу выражений их лиц так, как видит сопрано, я представляю, что их глаза блестят от слез, когда моя песня проникает в их души и звучит в унисон со струнами их сердец — медленно, искусно. Лица сияют, взгляды прикованы к моей красоте. Я дотрагиваюсь рукой до щеки, которой никогда не ощутить тепла софитов.

Но пальцы не касаются гладкой кожи, а скользят по маске. Я с шипением отдергиваю руку и разрываю связь с прошлым этого сопрано.

Мое внимание привлекает ложа, в которой Сирил Барден ловит мой взгляд. *Ты слишком заметна, Исда*, говорят его глаза.

Я отступаю в тень, пока аплодисменты плещутся вниз каплями дождя, и близко не такие восторженные, чтобы обеспечить достойные продажи билетов. Видимо, одной сопрано, пусть даже ее выступление было почти безупречным, недостаточно, чтобы затмить остальную кошмарную труппу.

К счастью, я отлично знаю свое дело.

Рукоплескания иссякают, когда Сирил стремительно выходит на сцену. Артисты выстраиваются в ряд позади него, одергивая костюмы и поправляя парики как можно незаметнее. Избыток грима на их лицах делает улыбки натянутыми и прокладывает пудрой усталые морщинки вокруг глаз, а улыбка Сирила, как всегда, обворожительна, и ее подчеркивает царственный высокий лоб, белые, как лист бумаги, волосы и чисто выбритый подбородок. Он с сияющим взором обращается к публике.

— Merci¹, мои блистательные гости, — его глубокий голос отражается от дальней стены и катится назад. — Развлекать вас сегодня вечером — истинное удовольствие.

Я машинально тянусь к кулону у горла и накручиваю его цепочку на пальцы, а предвкушение пузырьками пенится в животе.

— А сейчас, прежде чем я скажу «au revoir²», самое время для древнего обычая Шаннского оперного театра — мы просим публику присоединиться к артистам для особого исполнения ворельской классики, «Le Chanson de Rêves»³.

¹ Спасибо (фр.) Все примечания отсюда и ниже принадлежат переводчику.

² До свидания (фр.).

³ «Песнь снов» (фр.).

Сирил поворачивается к оркестру у своих ног и кивает:
— Маэстро.

Дирижер отдает указания струнным, затем взбирается на сцену рядом с Сирилом и поднимает палочку. Публика разом подхватывает знакомый мотив.

Кожу на левой щиколотке покалывает — там я когда-то вырезала Символ Управления, который позволяет мне пользоваться магией. Шрам с тех пор почти исчез, стерся от неуклюжих падений с лестницы, но способность, которую он мне подарил, все так же сильна, стоит только голосам наполнить воздух пением. Сила урчит в груди, тянется к каждому из поющих, жаждет прикоснуться к памяти, что живет в них. Я быстро оглядываю лица, позволяя картинкам и чувствам мелькать во мне одно за одним стремительным потоком взглядов, звуков и запахов.

Когда люди поют, я вижу их воспоминания, начиная с самых последних. Если я захочу, то могу пробраться глубже во времени, просеивая текучий водоворот событий в их разумах, будто опуская пальцы в бегущую воду ручья.

Только в эти секунды я ощущаю себя по-настоящему живой. Пусть мир вынудил меня прятаться, возненавидел за мои силы, пытался убить за то, кто я такая, но я нашла свое призвание, окружив себя его музыкой и держа воспоминания его людей в руках. Они не ведают, что я здесь, что я прорываюсь сквозь их мысли, сквозь их тайны и темные уголки душ, но это знаю я. И не важно, сколько вечеров я провела здесь, прячась в тенях, трепет, когда я наконец получаю над ними хоть какую-то власть, — этот трепет достигает каждой клеточки моего тела.

Вот — мое выступление, единственное, что мне доступно. Пусть мне нельзя встать на сцене и заворочить их своим голосом, но мой маленький вклад делает меня такой же участницей представления, как и танцоры, и певцы.

Я проскальзываю в память о представлении каждого зрителя, как балерина — в круг света, переходя от одного разума к другому, стираю все неприятные эмоции, которые

встречаю, и заменяю их положительными. Когда настроение становится подходящим, я начинаю стирать из воспоминаний момент, когда голос ведущего тенора сорвался на той высокой «соль», и тот миг, когда одна из балерин споткнулась, пробегая через самую середину сцены.

Я работаю и подпеваю шепотом, песню я знаю так хорошо, что слова сами срываются с языка подобно дыханию. Моя любимая часть — это хор.

Кого сквозь столетья: его или Их
В грехах мы решим обвинить?
Трех дев, что предстали страшной гильотин,
Ворель утопивши в крови?

Невинен ли он, возлюбленный их,
Отважный и честный? О нет —
Он меч обнажил, любовь их предал
И жизни лишил их во сне.

Работаю я быстро. В театре около двух тысяч зрительских мест, так что поправить воспоминания о сегодняшнем выступлении у всех не получится, но изменять все и не нужно. Если я смогу поработать с большинством, пока песня не закончилась и связь не прервалась, этого хватит, чтобы посыпались хвалебные отзывы, чтобы билеты продавались, а сезон прошел успешно.

Оркестр повторил последние ноты, зрители замерли в тишине, и образы пропадают из моего разума.

Я накручиваю цепочку медальона на мизинец, улыбка расцветает на лице.

Воздух заполняется шумом: зрители, разодетые в шелка и жемчуга, фраки и цилиндры, пробираются к выходам, и я наблюдаю за ними, пока они натягивают перчатки и любезничают друг с другом. Их лица разрумянились от восторга. Они бурно жестикулируют при разговоре. Руки ныряют в кошельки за блестящими монетками, которые обеспечат им новые билеты.

Сирил ловит со сцены мой взгляд. Он не улыбается — это было бы слишком уж заметно, — но складки у губ чуть углубляются в знак одобрения.

Я киваю — грудь моя чуть вздымается после применения дара — и отхожу назад, чтобы подождать, пока опера опустеет.

Лишь когда уборщицы собрали мусор со зрительских мест, погасили лампы и отправились домой, я все же выхожу из-за каменного херувима на потолке. Тихо проскальзываю в люк, о котором знаем лишь мы с Сирилом, и кошкой приземляюсь в проходе галерки.

Величественное, роскошное здание открывает мне свои темные объятия, и я спускаюсь на первый этаж, пересекаю сверкающий плиткой вестибюль и направляюсь к кабинету Сирила в восточном крыле. Легкий аромат дыма витает в воздухе: это недавно погашенные люстры тянут в тених руки к высокому потолку.

Юбки — ш-ш-ш — шелестят по полу, и только этот шелест нарушает тишину. Дышится легко. Свет погашен, люди ушли, никто меня не увидит, никто не заметит маску и не задумается, что же под ней, нет опасности, что меня обнаружат и приговорят к смерти.

Я иду, а в окнах сверкают звезды, и я останавливаюсь на минутку, чтобы опереться на подоконник, снять щеколду и распахнуть окно. Свежий осенний воздух касается шеи и взъерошивает перья ворона на маске. Я упиваюсь вкусом наступающей осени, хрупким ароматом рыжих и красных листьев, легким холодком, что приносит ветер.

Сероватый свет газовых фонарей вырезает тени на брусчатке и в лабиринте домов. Рядом ржет лошадь, ветер доносит до меня скрежет колес экипажа.

Каково это — прогуляться по этим улицам? Каким будет звук шагов, если помчаться по этой брусчатке? Как ощущается ветер на неприкрытом лице?

Шанн я знаю лучше всех. Я видела каждый его дюйм от богатых домов на холме до закопченных рабочих кварталов

на западе. Я осматривала его глазами и булочников, и членов городского совета, и извозчиков — любого, у кого в кармане хватит денег, чтобы позволить себе провести вечер в опере.

Но посмотреть на город *самой*? Не в хрупких черно-белых воспоминаниях, где ощущения притупились, а эмоции унесло потоком времени, а там, посреди реального мира? На самом деле все ощутить? Я прижимаюсь к оконной раме, а созвездия сияют драгоценными камнями на черном бархате неба.

На углу смеются, и я смотрю туда. Сопрано, в чьих воспоминаниях я сегодня побывала, взбирается в темное нутро кеба, а один из ведущих танцоров поднимается вслед за ней.

Я стискиваю зубы.

Как бы я ни любила их музыку и воспоминания в ней, не могу удержаться от неприязни к каждому из них. Актеры, танцоры, даже зрители. Они, все они причастны к тому, что даже просто существовать для меня опасно. Это они взвизгнут при виде моего лица, они поморщатся при упоминании гравуаров¹ — они тщательно выстроили общество, где мне не рады.

Это из-за них миру никогда не услышать мой голос.

Я закрываю окно и вместо того, чтобы подняться в кабинет Сирила, как предполагалось, разворачиваюсь и возвращаюсь в темный пустой театр.

Приглушенные шаги звенят в тиши невероятно громко, пока я иду к сцене, поднимаюсь по ступенькам и стремительно прохожу в центр. Оборачиваюсь к пустым бархатым сиденьям.

Все огни, включая люстру, давно погашены, и зал полон теней. Я представляю, что это зрители — как те, из воспоминаний сопрано. Они смотрят на меня в упоении, восхищенно вскинув брови. Подаются вперед, задерживают дыхание в ожидании следующей арии.

¹ Гравуар (*фр.* gravoir) — резчик, гравер.

Я откидываю голову назад и закрываю глаза, представляя мягкое пение смычка, что скользит по струнам скрипки, возвещая первые ноты моей арии.

Но когда я набираю воздуха и открываю рот, чтобы запеть, ушей моих достигает тихая песенка.

Я замираю. Задерживаю дыхание. Поворачиваю голову в направлении звука.

Дрожь далекого голоса выводит незнакомую мне мелодию. Мужского голоса. Звучного тенора, который скользит от ноты к ноте, как по мягкому маслу.

Следовало бы не обращать внимания, покинуть театр и подняться по лестнице к кабинету Сирила. Следовало бы держаться подальше от того, кто поет в темноте, кем бы он ни был.

Но тело само тянется к музыке, упивается ею, музыка дрожит в ушах и мурашками пробирает до позвоночника, пока я спускаюсь со сцены и возвращаюсь в вестибюль. Сперва я не спешу, но ускоряю шаг по мере приближения. Какие воспоминания я увижу в его припеве? Какие части света откроются мне?

Его голос — как снежный день после стьлой ночи, гладкий как стекло и искрящийся как бриллианты. Он — яркий огонь осени, обращающий мир в горящий калейдоскоп красного и золотого. Он — нежная ласка тьмы, он приветствует и принимает, он — неизменность.

Все во мне замирает. Утихает восторженная дробь пульса, медленнее вздымаются легкие, даже сердцебиение замедляется. Его вибрато летит от ноты к ноте, увлекая за собой.

Когда я достигаю конца коридора, его воспоминания врываются в меня все разом с мощью тысячетонной лавины. Отшатнувшись, я опираюсь на стену и вцепляюсь в резные листья, украшающие ее, да так, что боль пронзает подушечки пальцев.

Прочие воспоминания, которые я видела, были просто приглушенными далекими видениями в серых тонах, но

его — до боли живые, полные цвета и яркого солнечного света.

Они проносятся вихрем, радугой эмоций и оттенков, увлекают меня течением великой реки. Я не погружаюсь в последнее воспоминание, а стремлюсь глубже в память, кружась в отзвуках смеха и взрывах музыки, слишком очарованная потоком чувств, чтобы выбрать какое-то одно воспоминание — нет, пусть они все омывают меня сверкающим водопадом жизни.

Тело мое покалывает, искрится, будто молния, словно я впервые ожила за все свои семнадцать лет. Я мчусь сквозь образы, но тут появляется одно лицо, и я останавливаюсь. Всматриваюсь.

Это маленькая девочка лет шести с розовыми щечками и темными волосами, и выглядит она такой настоящей, что, клянусь, я могла бы протянуть руку и провести ладонью по шелку волос. Яркая голубая ленточка повязана вокруг головы, кружевная ночная рубашка голубовато-лилового цвета льнет к хрупкой фигурке — самая обычная девочка.

Но я застываю, завидев ее. Кровь отливает от лица, и я покачиваюсь. Руки взмывают к кулону и сжимают его со всех сил, так, что края врезаются в ладонь.

Это самая обычная девочка — если не считать лица.

Лицо у нее — как у меня.

Колени подламываются, и я врезаюсь в подсвечник по соседству. Тот опрокидывается и гремит по плитке, разбивая молчание оперного театра.

Тенор умолкает, воспоминание рассеивается. Я пытаюсь вернуть равновесие, сердце грохочет, взмокшие от пота волосы липнут к шее.

— Эй! — окликает тенор.

Я пячусь назад, с ужасом глядя на подсвечник у ног.

Разворачиваюсь и убегаю.

Воспоминания о той ночи, когда я родилась, когда меня бросили в колодезь, чтобы я утонула, охватывают меня, когда я сворачиваю за очередной угол, подобрав юбки. Я гра-

вуар, а гравуары считаются чудовищами, искажающими память, так что я не способна забыть ни секунды своей жизни. Но воспоминание о холодной воде, о том, как жгло в груди, о том, как Сирил схватил меня и вытащил, и унес в безопасное место, никогда не казалось более реальным, более насущным, чем сейчас, пока я убегаю, спасая собственную жизнь.

Потому что если этот тенор поймает меня, если снимет маску и увидит, кто я такая, то смерть, которая преследовала меня с той холодной сырой ночи, наконец получит свое.